

Тюнде САБО

ОБРАЗЫ УЧЕНЫХ В РОМАНАХ Л. УЛИЦКОЙ

Scientists in Lyudmila Ulitskaya's novels

Abstract

This paper focuses on a characteristic type of hero in Ulitskaya's works and analyses the image of scientist heroes and their poetic functions in three of the author's novels, *The Kukotsky Enigma*, *The Big Green Tent*, and *Jacob's Ladder*.

These heroes represent a special kind of syncretic thinking. Firstly, in their conversations and debates the genre code of the Socratic dialogue is activated, as Mikhail Bakhtin described it in connection with the development of the polyphonic novel. Secondly, these heroes, who always appear in pairs, invoke the duo of Don Quixote and Sancho Panza, as well as certain characteristics of "Quixotism", which has a central role in the critique of the role that intellectuals have played in Russian culture. It is against the above background that the role of 20th century intellectuals gains a new interpretation in Ulitskaya's three novels.

Keywords: *Lyudmila Ulitskaya, scientist heroes, syncretism, Socratic dialogue, Mikhail Bakhtin, Quixotism*

Особенности изображения человека в произведениях Л. Улицкой часто привлекают внимание исследователей и рассматриваются с разных точек зрения.¹ Нам же хочется обратить внимание на появляющийся в нескольких произведениях писательницы тип героев и на их поэтическую функцию. Это – друзья-ученые А.П. Кукоцкий и И.И. Гольдберг в романе «Казус Кукоцкого» (2001), В.Ю. Шенгели и М. Колесник в романе «Зеленый шатер» (2010) и В. Чеботарев и Г. Либер «Лестнице Якова» (2015).²

Мир романов Улицкой соприкасается с чуждой, как правило, художественной литературе областью естественных наук, хорошо знакомой, однако,

¹ М.В. Безрукавая и Ю.С. Баскова выделяют шесть моментов, на их взгляд активно формировавших «авторскую концепцию личности» [БЕЗРУКАВАЯ–БАСКОВА 2017]. М.П. Абашева в качестве «непременных составляющих персонажа в романах Л. Улицкой» называет биографическую, мифологическую, профессиональную, социальную [АБАШЕВА 2017]. Э. Скомп и Б. Сатклиф утверждают, что центральное место в творчестве писательницы занимают героини-интеллигенты, в образах которых «ценность заключается в честности и личной ответственности в быту» [СКОМП–SUTCLIFFE 2015: 166]. О.В. Побивайло указывает на доминанту «близнецкого мифа» в системе персонажей разных произведений Улицкой, выделяя образы «близнецов-союзников» и «трикстеров» [ПОБИВАЙЛО 2009].

² На венгерском языке все три романа доступны в отличном переводе Й. Горетить («Казус Кукоцкого» совместно с Э. Гильберт). Й. Горетить же является авторитетным интерпретатором произведений Улицкой.

Улицкой, биологу по образованию.³ В образах названных героев моделируется особая форма познавательной деятельности человека, и, благодаря ссылкам на реальные естественнонаучные теории и достижения разных дисциплин, усиливается референциальный аспект романов.⁴ В то же время, идеи героев выходят далеко за пределы точных наук и представляют собой особый тип синкретического мышления. Эти «идейные двойники» и их диалоги коренятся глубоко в литературной и культурной традиции: в эпизодах, где беседуют герои на научные темы активизируется жанровый код «сократического диалога», а в самих героях проявляются черты русского «донкихотства», имеющего особое значение в русской культуре с конца XVIII века.

Научная деятельность героев

«Профессиональная составляющая» перечисленных героев – «Ученый» (см. М. Абашева). Кукоцкий – гинеколог, интересующийся, прежде всего, «тайной зачатия». Научные интересы «увели Павла Алексеевича в неожиданном направлении. [...] через работы знаменитого Чижевского подошел к рассмотрению космических природных циклов, к теме биоритмов» [УЛИЦКАЯ 2006: 145]. Этим он обосновал свою частично интуитивную теорию, которая способствовала появиться в свет «Авраамовым детям». Его лучший друг, Илья Гольдберг – генетик, занимается популяционной генетикой человека, изучает феномен гениальности и ее наследование, а позже пытается составить «карту генофонда» советского народа. Оба героя увлекаются не только узким кругом научных интересов своей специальностью, но и активно занимаются историей: Кукоцкий читает «лекции» Василисе о своих исторических разысканиях в связи с «историей антисемитизма и его религиозных и экономических корней» [Там же: 132], а Гольдберг перечитывает «тонны книг по истории» в Библиотеке иностранной литературы [Там же: 56].

В романе «Зеленый шатер» учитель литературы Виктор Юльевич Шенгели исследует феномен детства, добывая научные «полузапрещенные книги по психологии детства, от Фрейда, который стоял забытый на полках больших библиотек, до Выготского, изъятого и помещенного в спецхран» [УЛИЦКАЯ 2015а: 84], и также ориентируясь на русскую классику. Его интересуют, прежде всего, критерии взросления, вопрос о нравственной инициации человека. Он обсуждает свои идеи и преподавательский опыт со своим другом биологом Мишей Колесником, который все время «торопил друга, вставлял странные, не сразу понятные замечания – постоянные проекции на биологию» [Там же: 85]. От него Виктор Юльевич заражается идеей универсализма знания.

³ И. Регеци придает большое значение естественнонаучному образованию Улицкой и считает, что именно этим объясняется отчасти параллель между ее ранними романами и поэтикой Чехова, имевшего также образование врача [REGÉCZI 2005: 152].

⁴ Особое значение этого аспекта подтверждает междисциплинарный сборник трудов под редакцией Э. Гильберт, в котором печатаются, в том числе, статьи врачей, анализирующих роман «Казус Кукоцкого» с точки зрения медицины [GILBERT 2005].

В романе «Лестница Якова» ученые-друзья Витя Чеботарев и Гриша Либер – вундеркинды (так же, как и Илья Гольдберг и его сыновья-близнецы в романе «Казус Кукоцкого»), бывшие одноклассники главной героини Норы. Г. Либер физик, но исследует клеточные мембраны. Исходя из механизмов живой клетки он предвидит необходимость и возможность появления квантовых компьютеров. На склоне лет он «отошел от экспериментальной науки, не оставив при этом любимую идею квантового компьютера, и погрузился в области умозрительные, постоянно используя все последние достижения молекулярной биологии для доказательства идей, совершенно не приемлемых для Вити» [УЛИЦКАЯ 2015б: 655]. Витя же математик, который «относился к физике с высокомерием. А уж биологию считал вообще не наукой, а огромной свалкой фактов» [Там же: 303]. Однако под влиянием Гриши и благодаря книге Шредингера, полученной от друга, специалист по программированию В. Чеботарев становится в Америке «главным авторитетом по моделированию клетки» [Там же: 457].

Особенности научных взглядов героев

Как мы видим, в характеристике научной деятельности этих персонажей присутствуют, как правило, названия разных научных дисциплин, имена знаменитых исследователей и также определенная научная терминология. Говорить о чисто научном дискурсе, однако, не приходится. Названия дисциплин и специалистов выполняют, скорее, функцию индекса, отсылающего читателя к определенным областям естественных наук, поскольку ни конкретные теории названных ученых, ни конкретные результаты отдельных исследований и концепций не изложены в тексте романов. Кроме того, лексика, с помощью которой передается научная информация, не выходит за пределы научно-популярного регистра. Герои Улицкой в дружеских беседах излагают, прежде всего, свои собственные теории, связанные только частично с известными результатами естественных наук.

Их научные взгляды и исследовательские подходы лежат в междисциплинарной плоскости. При формировании своих теорий герои ориентируются не только на точные науки, но используют также достижения гуманитарных наук. Как уже было отмечено, и Кукоцкий, и Гольдберг глубоко интересуются историей. Гольдберг свои исследования о гениальности обосновывает с помощью «энциклопедий всех времен и народов [...] Сети свои разбросал он так широко, что туда попали и золотой век Афин, и итальянское Возрождение, и дворянский период русской литературы» [УЛИЦКАЯ 2006: 57]. Шенгели прежде всего литератор, но работая над своей книгой о феномене детства, читает не только русскую классику на эту тему, но ведет исследования в разных областях. Он отлично понимает, что «его интересы лежат между разными дисциплинами: возрастной психологией, педагогикой, антропологией в самом широком смысле слова» [УЛИЦКАЯ 2015а: 113]. Гриша Либер, развивая свою теорию о живой клетке как компьютере, ссылается, с одной стороны, на философию Платона, с другой стороны, прибегает к сравнению из области музыки, чтобы убедительнее объяснить, как он понимает жизнь клетки.

Мышление и научные взгляды всех героев-ученых в романах Улицкой так или иначе характеризует не просто междисциплинарность, но особый универсализм (см. Безрукавая и Баскова). Общими элементами этого универсального взгляда являются, во-первых, убеждение в эквивалентности построения и механизмов всего живого и даже неживого. Во-вторых – признание генетики основой этого построения, и, вытекающий из этого пансемиотизм.

К мысли о возможности зачатия женщины после многолетнего бесплодия Кукоцкого приводит догадка о параллели между космическими природными циклами и суточной активностью человека, и также периодами активности яйцеклетки.

Взаимосвязь внутреннего мира человека с природными явлениями обсуждается во второй части романа, где «в третьем состоянии» Кукоцкий встречается со стариком Л. Толстым. Они беседуют о возможности применения естественных наук для понимания любви. Персонаж-Толстой высказывает свою догадку о том, что любовь, в конечном счете, есть такой же физико-химический процесс, который лежит в основе большинства природных явлений. «Любовь осуществляется на клеточном уровне – вот суть моего открытия. В ней все законы сосредоточены – и закон сохранения энергии, и закон сохранения материи. И химия, и физика, и математика. Молекулы тяготеют друг друга в силу химического сродства, которое определяется любовью» [Там же: 271].⁵

Герой романа «Зеленый шатер» Шенгели, узнав о принципах эволюции, размышляет о близости происходящих в его учениках процессов «с тем метаморфозом, который происходит с насекомыми» [УЛИЦКАЯ 2015а: 85]. В романе «Лестница Якова» Г. Либер работает в лаборатории, где «пытались найти различие между неживой и живой материей, ухватить за хвост волнующую тайну мироустройства» [УЛИЦКАЯ 2015б: 300]. Позже он говорит о законе «иерархического подобия», о том, что «Вселенная, клетка и атом построены по одному и тому же принципу» [Там же: 461]. Чеботареву открывает глаза книга Шредингера, в которой автор «взглянул поверх этого множества разрозненных фактов и указал на теорию Дарвина как на единственную структуру, которая способна удержать и организовать эту лавину. И, что самое важное, указал, что явления, связанные с пространством и временем, которые установлены физиками, приложимы и к живым организмам» [Там же: 303].

В мышлении героев центральное место занимает генетика. Они – в первую очередь И. Гольдберг и Г. Либер – придают огромное значение открытию ДНК, а генофонд и принципы эволюции интерпретируют выходя далеко за пределы точных наук – сблизив теорию эволюции и религиозное мировоззрение. Научно-религиозные идеи Гольдберга и Либера, однако, вызывают неодобрение коллег. Предположения Гольдберга о «неизбежной красоте будущего мира, исправленного по науке, с точным расчетом, без досадных искривлений прекрасного замысла» [УЛИЦКАЯ 2006: 309] Кукоцкий опровергает словами Ивана Карамазова и возражает другу, указав на огромный потенциал

⁵ О литературном источнике этого взгляда см. [САБО 2018].

каждого новорожденного ребенка, «прекрасного и непостижимого, как запечатанная книга» [Там же: 308].

Идеи Гольдберга, который с возрастом приходит к выводу, «что Библия представляет собой грандиозную шифровку, космическое послание Мирового Разума к человечеству» [УЛИЦКАЯ 2015б: 461], созвучны с идеями Либера. Г. Либер в ДНК видит прямо «азбуку Творца», в Торе – пересказ текстов ДНК, а всю жизнь универсума воспринимает как «разворачивание грандиозного текста» [Там же: 457], включая жизнь отдельного человека: «Каждая человеческая жизнь – Текст. И этот текст нужен почему-то Богу» [Там же: 659]. Чеботарев пытается опровергать идеи друга указывая, с одной стороны, на то, что это лишь отвлеченные умозаключения, которые «ничего не меняют в человеческой деятельности», с другой стороны, на то, что он для своей научной деятельности никогда не нуждался в «концепции Творца» [Там же: 457].

Как мы видим, с одной стороны, убеждения Либера, носят чисто религиозный характер, а, с другой стороны, в них отражается особый пансемиотизм. Согласно представлениям героя, не только жизнь человека является текстом, но человек сотворен именно для того, чтобы читать и создавать тексты: «...вся эволюция человека имеет только одну задачу – довести это незавершенное Творение до состояния, когда оно, человечество, научится читать. И ради выполнения этого задания были изобретены все алфавиты, все знаки, цифры, ноты, в конце концов! [...] Человек подобен Творцу именно в этом – в умении создавать новые тексты!» [Там же: 459, 461].

Идея пансемиотизма присутствует и в области гуманитарных наук. Семиотизация окружающего мира до крайности доведена, например, в концепции В. Руднева, считающего, что «понятия текст и реальность не имеют онтологического статуса, они прагматически обусловлены» [РУДНЕВ 1993]. Специфика же пансемиотизма героев-ученых Улицкой заключается в том, что семиотизм, характерный, прежде всего, для гуманитарных сфер и религиозного мировосприятия, распространяется ими и на биологические механизмы. Вместе с тем их идеи представляют собой особый синкретизм, соединяющий разные области научного познания с религией.

Жанровый код «сократического диалога»

Источником научных знаний в тексте являются не только герои, но в полной мере владеет ими и всезнающий нарратор. Переходы от внешнего описания к прямым высказываниям самих персонажей порой незаметны, нарраторское сознание никак не обозначено в этих фрагментах текста. Причину этого явления можно обосновать в научном периоде биографии Улицкой, в ее не иссякающем интересе к разным областям естественных наук.⁶ А последствия – в жанровых особенностях эпизодов, связанных с героями-учеными.

⁶ См., например: «Понимаю, что те сорок лет, что прошли со времени окончания биофака, были временем космических скоростей в молекулярной биологии и генетике. Мне, конечно, не догнать, но популярную литературу читаю постоянно» [УЛИЦКАЯ 2012].

Профессиональная связь автора с интересами этих героев приводит к тому, что автор как будто «теряет ценностную точку венаходимости» [БАХТИН 1986: 20],⁷ и, как следствие этого эпизоды, в которых действуют эти герои, выходят за пределы «эстетического события». Ибо «напряженно-заинтересованное и уверенное несогласие есть столь же неэстетическая точка зрения, как и заинтересованная солидарность с героем» [БАХТИН 1986: 21]. В таких случаях, как предполагает М. Бахтин, перед читателем – самоотчет-исповедь или философский трактат.

Такой радикальной смены дискурса в произведениях Улицкой, конечно, нет. Но в эпизодах, в которых герои-ученые излагают свои взгляды, однозначно активизируется жанровый код философского трактата, более определенно – сократического диалога, в котором М. Бахтин видел один из важнейших источников романа диалогического типа.

Согласно характеристике, данной Бахтиным, в основе сократического диалога лежит «представление о диалогической природе истины», которая «рождается между людьми, совместно ищущими истину» [БАХТИН 2002: 124]. Как утверждает Бахтин, в сократическом диалоге идея органически сочетается с образом носящего ее человека, героями этого жанра являются «идеологи». Поэтому «диалогическое испытание идеи есть одновременно и испытание человека, ее представляющего» [Там же: 126].

В романах Улицкой в эпизодах, связанных с друзьями-учеными обнаруживаются почти все жанровые особенности сократического диалога. Герои, как правило, встречаются в ситуациях дружеской беседы. Они вступают в диалог, обсуждая не столько научные проблемы, сколько основные вопросы человеческого бытия – они совместно ищут истину. Об их взаимоотношениях знаем мало⁸, они друг для друга, прежде всего, собеседники. «Один только Гриша Либер был ему собеседником» [УЛИЦКАЯ 2015б: 91] – говорится о В. Чеботареве; И. Гольдберг после смерти друга думает о том, что «такого собеседника, каким был Павел Алексеевич, у него нет и никогда не будет» [УЛИЦКАЯ 2006: 461]; а для Шенгели «единственный из друзей, с кем общаться было в радость, был бывший сосед по двору Мишка Колесник...» [УЛИЦКАЯ 2015а: 53].

Как мы видели, все эти персонажи в той или иной мере являются носителями идей. В их беседах использованы оба приема, названных Бахтиным как типичные для сократического диалога – синкриза (сопоставление различных точек зрения на определенный предмет) и анакриза (способы вызывать, провоцировать слова собеседника) [БАХТИН 2002: 125]. Ярким примером для синкриза является вышеупомянутая беседа Шенгели с Колесником в романе «Зеленый шатер», в которой сопоставлены точки зрения литератора и биолога на проблему взросления детей. Примером для анакриза может послужить

⁷ Бахтин в своей работе не различает нарратора и автора. Поэтому и мы сохраняем его терминологию, тем более подходящую, что нарратор в рассматриваемых произведениях всезнающий, и близкий поэтому к авторской позиции.

⁸ В этом плане между тремя романами разница большая. Наиболее детально разработаны взаимоотношения Кукоцкого и Гольдберга, а образ Колесника имеет эскизный характер, описан лишь в одном эпизоде.

тоже упомянутая уже выше реакция Кукоцкого на утопические представления Гольдберга о красоте будущего мира. Слова Кукоцкого «Я тогда, как и Иван Карамазов, свой билет верну...» [УЛИЦКАЯ 2006: 309] отсылают к ситуации в романе Достоевского, где Иван в беседе с Алешей безжалостно провоцирует своего брата в связи с вопросами мироустройства и веры в Бога.

Бахтин относит этот эпизод романа Достоевского к мениппее, родственному, на его взгляд, жанру сократического диалога. Он утверждает, что «кроме этих, относительно самостоятельных и относительно завершенных мениппей, все романы Достоевского пронизаны ее элементами, а также элементами родственных жанров – «сократического диалога», диатрибы, солилоквиума, исповеди и др. Разумеется, все эти жанры прошли до Достоевского через два тысячелетия напряженного развития, но они сохранили при всех изменениях свою жанровую сущность» [БАХТИН 2002: 175–176]. К этому можно только добавить, что их жанровая сущность обнаруживается и в современных нам произведениях, в том числе, в романах Улицкой, в которых мы встречаем их новую версию, вобравшую в себя уже и опыт поэтики Достоевского.

Специфика же бесед героев-ученых Улицкой по отношению к жанровой традиции заключается отчасти в вопросах идейного характера, отчасти в художественной форме их изображения. Что касается идейности, как уже было отмечено, познавательная деятельность этих персонажей охватывает, прежде всего, сферу естественных наук, они высокого уровня специалисты в определенных научных дисциплинах. В то же время, они «идеологи», их идеи представляют собой особый тип синкретического мышления. В основе этих синкретических идей лежат «проклятые вопросы» о мироустройстве, о существовании Бога, о сущности жизни, о нравственной природе человека и, не в последнюю очередь – о роли науки в решении этих вопросов. Самое большое значение имеет взаимосвязь двух факторов – нравственности человека и науки. Этот вопрос рассматривается героями с точки зрения возможности использования точных наук для выявления и измерения духовных качеств человека – индивида, и общества, и с позиции нравственности самой науки.

Оказывается, что герои терпят фиаско, когда пытаются определить духовные качества человека с помощью методов точных наук. Шенгели в романе «Зеленый шатер» хочет дать научное описание «зоны нравственного пробуждения подростка», поскольку «нравственное созревание представлялось ему столь же закономерной особенностью человека, как и биологическое, идущее параллельно» [УЛИЦКАЯ 2015а: 113]. «Вопрос ты ставишь чисто антропологический» – упрекает своего друга биолог Колесник. Он обращает внимание Шенгели на недостаточную четкость определения изучаемого им явления: «– Качественные критерии, а не количественные! – тыкал пальцем Колесник. – Смотри, что получается у тебя: инициация – какая-то неопределенная вещь, и ответственность – как ее измерять?» [Там же: 87].

Исследуя феномен гениальности, Гольдберг сталкивается с этой же проблемой: «гениальность плохо поддавалась определению, формализации, – генетика же была наука строгая и оперировала явлениями качественными, а не

количественными» [УЛИЦКАЯ 2006: 57]. Суммируя свои впечатления после последнего трехлетнего срока, герой поднимает вопрос не только о нравственном состоянии общества, но и о нравственности науки: «Нравственные основы подорваны, Паша. Нравственные основы жизни, нравственные основы науки...» [Там же: 410]. Кукоцкий и тут противоречит другу: «я не думаю, что у науки есть нравственное измерение. Познание не имеет нравственного оттенка, только люди могут быть безнравственными, а не физика или химия, а уж тем более математика» [Там же: 413].

Герои Улицкой, как мы видим, не приходят к «готовой», «монологической» истине, ни по поводу нравственности человека, ни по поводу возможностей науки. Истина рождается в их общении, а также в испытании их жизнью – как это требует жанровый код сократического диалога. В этом плане художественная форма изображения героев-ученых в романах Улицкой сильно расходится с жанровой традицией.

Согласно концепции Бахтина, в диалогической ситуации «налична тенденция к созданию исключительной ситуации, очищающей слово от всякого жизненного автоматизма и объектности, заставляющей человека раскрывать глубинные пласты личности и мысли» [БАХТИН 2002: 126]. Бахтин называет эти ситуации «диалогами на пороге» и утверждает, что структуру полифонического мира романов Достоевского, например, определяют именно такие «исключительные и провоцирующие сюжетные ситуации, кризисы и переломы, моральное экспериментирование, катастрофы и скандалы...» [Там же: 176].

В основе же сюжетов произведений Улицкой лежат, как правило, не исключительные ситуации, а быт и цельная биография почти каждого, отдельно взятого персонажа. Испытываются они и их идеи не в экстремальных условиях, а итогом всей жизни, проведенной в кругу семьи и в сфере профессиональной, на фоне сложной исторической эпохи. Герои Улицкой, носители определенных идей редко выходят «победителями» из испытаний в конце жизненного пути: некоторые из них (Гольдберг и Либер), как мы видели, приходят к религии, а некоторые (Шенгели и Кукоцкий) так и остаются «гениальными неудачниками».

Самый яркий пример неудачных судеб – судьба Кукоцкого, единственного среди героев-ученых, который выступает в романе в роли главного героя. Кукоцкий в аборте видит самую тяжелую в моральном отношении гинекологическую операцию, но настаивает на необходимости его разрешения и с точки зрения социальной, и с точки зрения свободы личности. Ему хочется спасти жизни тысяч женщин и их детей, а в плане индивидуальной свободы он думает: «Не здесь ли реализуется человеческий выбор, право на свободу, в конце концов?» [УЛИЦКАЯ 2006: 170]. Планы героя о реформе системы здравоохранения не осуществляются, идея аборта категорически опровергается самым близким ему человеком, женой, а семья распадается.

Но, вопреки всему этому, итог жизненного пути героя представляется не вполне неудачным, а его идея не вполне опровергнутой. Его личные качества, «честность и личная ответственность в быту» (см. Скомп и Сатклиф), готовность всегда помочь людям и самоотверженное служение Делу придают некий

пафос образу героя. «Истина», заключенная в его жизненном пути рождается в диалоге с другими биографиями – жены, дочери, Василисы и других второстепенных персонажей. Сюжеты романов Улицкой характеризуются мультибиографизмом⁹, в общем контексте которого «испытываются» отдельные биографии. При этом акцент со столкновения идей переносится на бытовое поведение – на «полифонию» жизненных путей представителей самых разных слоев общества. В этом и заключается суть отличия поэтики романов Улицкой в целом от жанровой традиции, описанной Бахтиным.

Донкихотство героев

Бахтин утверждает, что мениппея и родственные ей жанры, в том числе и сократический диалог, коренятся в карнавальном мироощущении: «Сократический диалог не риторический жанр. Он вырастает на народно-карнавальной основе и глубоко проникнут карнавальным мироощущением, особенно, конечно, на устной сократовской стадии своего развития» [БАХТИН 2002: 124]. Бахтин придает огромное значение присутствию карнавального начала в развитии европейской литературы, особенно в формировании жанра романа. Одним «из величайших и одновременно карнавальнейших романов мировой литературы» он считает роман Сервантеса «Дон Кихот» [Там же: 144], который играл важнейшую роль и в творчестве Достоевского.

Следы великого романа Сервантеса обнаруживаются и в произведениях Улицкой: карнавальная традиция обновляется в них через образы ученых не только по отношению к жанровому коду сократического диалога, но и по отношению к Рыцарю Печального Образа.

В связи с каждым из парных образов ученых Улицкой появляется имя героя Сервантеса. В романе «Казус Кукоцкого» при описании перипетий судьбы Гольдберга нарратор называет героя «еврейским Дон Кихотом» [УЛИЦКАЯ 2006: 53]. В романе «Зеленый шатер» Шенгели живет в доме, где над парадной дверью стоит железный рыцарь, а его самого один из бывших учеников описывает так: «Бедняга. Был такой блестящий, эlegantный, помесь Дон Кихота с Сервантесом» [УЛИЦКАЯ 2015а: 327]. В романе «Лестница Якова» В. Чеботарев и Г. Либбер со школьных лет отождествляются с Дон Кихотом и Санчо Панса: «Когда одноклассники добрались до „Дон Кихота“, то Гришу стали звать „Санчо Пансой“. И точно, конфигурация была та самая» [УЛИЦКАЯ 2015б: 91].

В характеристике героев в каждом романе подчеркивается их чужеродность среде, нелепая внешность. В. Чеботарев и Г. Либбер составляют «смешную [парочку] – говорливый шарик и молчаливый жердь» [Там же: 91]. Шенгели и Колесник тоже образуют «веселенькую послевоенную парочку: Мишка без ноги, Виктор без руки. Называли себя „три руки, три ноги“» [УЛИЦКАЯ 2015а: 53]. Описание внешности Ильи Гольдберга во время беседы с Кукоцким прямо отсылает к образу Дон Кихота: «Худые длинные руки метались в воздухе,

⁹ «Мультибиографизм» в произведениях Улицкой является одним из наиболее важным конструктивным принципом – об этом см. [САБО 2017].

выпуклые серые глаза блестели большим огнем. Желтоватый ястребиный нос, большой кадык на морщинистой шее, сутулая костлявая фигура – спаситель мира!» [УЛИЦКАЯ 2006: 59].

Взаимоотношение ментальности отдельных пар героев-ученых соотносится, в определенной мере, с взаимоотношением ментальности Дон Кихота и Санчо Пансы. Согласно интерпретации Д. Мережковского, герои Сервантеса «это вечная противоположность здравого смысла и увлечения, действительности и грезы, реализма и книжной отвлеченности. [...] оба [героя Сервантеса] трагические представители двух вечно разделенных и вечно тяготеющих друг к другу полусфер человеческого духа – идеализма и реализма» [МЕРЕЖКОВСКИЙ 1995: 399–400]. Герои-ученые Улицкой в отдельных ее романах противопоставлены друг другу именно по этому признаку: один из них увлекается универсальными идеями, а другой приверженец конкретики научных исследований. «В отличие от Гольдберга, загорававшегося, как сухой хворост, на каждом новом повороте научной мысли, Павел Алексеевич десятилетиями наблюдал все тот же объект...» [УЛИЦКАЯ 2006: 171]. Он говорит другу: «Меня не интересует философия. Я занимаюсь прикладными вопросами. [...] Я отказываюсь решать вопросы мирового значения» [Там же: 184]. Подобным образом реагирует на энтузиазм друга в связи с «Божественным текстом» В. Чеботарев: «Нет, нет, я занят конкретным делом – пишу конкретные программы, и это довольно простые тексты, а биохимики проверяют, насколько они соответствуют реальным синтезам в клетке... Все это не имеет отношения к замыслу твоего Творца» [УЛИЦКАЯ 2015б: 319].

Как мы видим, противопоставление ментальности героев Улицкой и их внешность отсылают непосредственно к героям Сервантеса. Но некоторые черты ментальности этих персонажей в той же мере коренятся в русской традиции «донкихотства».

История восприятия романа Сервантеса и его главного героя в культуре России имеет особое значение. Как утверждает Вс. Багно, «русская судьба „Дон Кихота“ – не просто национальная версия общекультурного процесса, но один из редких в истории культуры примеров превращения частного литературного явления одной страны в доминанту культурной и общественной жизни другой страны, с неизбежной утратой многих, если не большинства, конкретных историко-литературных особенностей» [БАГНО 2005]. Многочисленные интерпретации образа Дон Кихота, согласно Багно, «выполняли в русской культуре XVIII–XX веков различные, прежде всего нравственные, задачи, стоявшие перед русским обществом, русской интеллигенцией» [Там же].

В этих интерпретациях Багно выделяет две основных линии: положительную оценку героя как представителя «высокого начала самопожертвования» и общественного служения, заданную Тургеневым в его знаменитой статье, и отрицательную, основанную на взгляде Белинского, который подчеркивал «отсутствие такта действительности» в образе героя. В интерпретационном поле донкихотства особое место занимает мнение Достоевского, который не только сблизил образ Дон Кихота с «положительно прекрасным человеком», но и

высказал возможность «объединения всей русской интеллигенции под знаком донкихотства на основе веры в „общечеловечность”» [Там же]. Согласно мнению Багно, «в равной степени эти интерпретации реализовывались в жизненной программе людей, которые либо сами возводили себя к Дон Кихоту, либо их называли Дон Кихотами современники или потомки» [Там же]. А. К. Степанян утверждает, что «все деятели русской истории оцениваются по меркам Дон Кихота, а вся русская интеллигенция наделяется „кихотическим началом” и „кихотической участью» [СТЕПАНЯН 2013: 185].

В ментальности героев-ученых Улицкой выделяются черты, которые не свойственны конкретно героям Сервантеса, а объясняются именно на фоне русского донкихотства. Оба члена парных образов, то есть каждый из этих героев принадлежит русской научной интеллигенции и занят так или иначе решением «нравственных задач», стоящих перед современным им обществом. Поэтому и в тех из них, которые по своей внешности и более реалистическим взглядам ближе к образу Санчо Пансы, проявляются в определенной мере также черты Дон Кихота. Но в них показаны разные версии донкихотства русской интеллигенции.

В образах Гольдберга и Либера доминирует идея универсального человека и, вместе с тем, «мессианский элемент донкихотства» [БАГНО 2005] – тем более, что они и впрямь носят определенные черты ветхозаветных пророков. В этих образах проявляется парадоксальная черта донкихотства, характерная, согласно Багно, в первую очередь для творчества Ф. М. Достоевского, Л. Андреева и А. Платонова, когда «рационалистическое по своей природе представление об идеале приобретает иррациональный характер, становится предметом веры» [Там же]. Как уже было отмечено, синкретизм во взглядах Гольдберга и Либера является результатом объединения сфер точных и гуманитарных наук с религиозными воззрениями, которые они проповедают с большим энтузиазмом. Когда Кукоцкий и Чеботарев в качестве собеседников опровергают идеи Гольдберга и Либера, в этом проявляется то «предостережение от ложного энтузиазма, не только берущего на вооружение идеалы, но и навязывающего их действительности и обществу», которое «в России привлекло значительно меньше внимания» [Там же].

В образах Кукоцкого и Шенгели на первый план выходит другая черта, свойственная героям-интеллигентам в произведениях Улицкой – обреченность на поражение в повседневном противостоянии сложным и тяжелым историческим условиям. В этом проявляется парадокс, коренящийся и в донкихотстве, так как в русской культуре «символом героизма стал не какой-нибудь непобедимый герой рыцарского романа или бесстрашный витязь народных сказаний, а старый, смешной и нелепый Рыцарь Печального Образа, заранее обреченный на поражение» [БАГНО 1988: 436]. Однако, в произведениях Улицкой в связи с такими героями меняется акцент: несмотря на поражение, итог их жизненного

пути воспринимается как «побеждение».¹⁰ Тем самым донкихотство русского интеллигента приобретает новый смысл и оценку по отношению к традиции.

В итоге можно сказать, что с героями-учеными Улицкой тесно связан не только жанровый код сократического диалога, выросшего, согласно представлениям М. Бахтина, на почве европейского карнавального мироощущения и активно формировавшего жанр европейского романа, но в этих образах продолжается и вековая традиция осмысления ментальности и деятельности русской интеллигенции через образ Дон Кихота и его многочисленных интерпретаций. Это значит, что помимо разных составляющих этих персонажей, описанных уже в критической литературе, рассмотренные нами парные герои имеют определенную жанрообразующую, а также символическую функцию, с помощью которой романы Улицкой органически вписываются в русскую и европейскую литературную и культурную традицию, сохраняя и в то же время обновляя ее.

Библиография

- АБАШЕВА, М.П. [АВАШЕВА, М.Р.] 2017: Структура героя в романах Людмилы Улицкой: Случай Кукоцкого // Вестник Пермского Университета. Российская и зарубежная филология. Том 9. Выпуск 2 [The structure of the hero in the novels Lûdmila Ulitskaâ: the case of Kukockij // Bulletin of the Perm University. Russian and foreign philology. Volume 9. Release 2], 61–72.
- БАГНО, В. [BAGNO, V.] 1988: Дорогами Дон Кихота. Москва, Книга [On Don Quixote's trails. Moscow, Kniga].
- БАГНО, В. [BAGNO, V.] 2005: Лики русского донкихотства // Вестник Европы, [The faces of Russian Don Quijotism // European Bulletin], No. 16. // <https://magazines.gorky.media/vestnik/2005/16/liki-russkogo-donkihotstva.html> (дата обращения: 12.03.2021).
- БАХТИН, М.М. [ВАНТИН, М.М.] 1986: Автор и герой в эстетической деятельности // Эстетика словесного творчества. Москва, Искусство [Author and hero in aesthetic activity // Aesthetics of verbal creativity. Moscow, Iskusstvo]: 9–191.
- БАХТИН, М.М. [ВАНТИН, М.М.] 2002: Проблемы поэтики Достоевского // Собрание сочинений. Т.6. Москва, Русские словари языка славянской культуры [Problems of Dostoevskij's poetics // Collected Works. Vol.6. Moscow, Russian dictionaries Languages of Slavic culture].
- БЕЗРУКАВАЯ, М.В.–БАСКОВА, Ю.С. [BEZRUKAVAÂ, M.V.–BASKOVA, Û.S.] 2017: Концепция человека в романах Л. Улицкой // Вестник оренбургского государственного университета [Concept of man in the novels of L. Ulitskaâ // Bulletin of the Orenburg State University], 2017/7 (207): 51–56. // http://vestnik.osu.ru/2017_7/10.pdf (дата обращения: 21.03.2021).
- МЕРЕЖКОВСКИЙ, Д. [МЕРЕЖКОВСКИИ, D.] 1995: Сервантес // Л. Толстой и Достоевский. Вечные спутники. Москва, Республика [Cervantes // L. Tolstoj and Dostoevskij. Eternal companions. Moscow, Respublika]: 393–408.

¹⁰ Слово Улицкой в последнем авторском письме романа «Даниэль Штайн, переводчик». В образе Даниэля это свойство выражено наиболее ярко, но оно явно присутствует и в образе Якова Осецкого.

- ПОБИВАЙЛО, О.В. [POBIVALLO, O.V.] 2009: Мифопоэтика прозы Людмилы Улицкой. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Барнаул. На правах рукописи [Mythopoethics of Lûdmila Ulickaâ's prose. Dissertation on competition of a scientific degree of candidate of philological sciences. Barnaul. For manuscript rights] // <https://www.dissercat.com/content/mifopoetika-prozy-lyudmily-ulitskoi> (дата обращения: 20.03.2021).
- РУДНЕВ, В. [RUDNEV, V.] 1993: Морфология реальности [Morphology of reality] // <http://lib.ru/CULTURE/RUDNEW/morfologia.txt> (дата обращения: 21.03.2021).
- САБО, Т. [SZABÓ, T.] 2017: «Кто он, мой главный герой?» Принципы конструирования главного героя в романах Л. Улицкой ["Who is he, my main character?" Principles of designing the main character in the novels L. Ulickaâ] // LITERATURA 59: 2: 122–137.
- САБО, Т. [SZABÓ, T.] 2018: Две Тани: полемика Л. Улицкой со взглядами Л. Толстого на любовь // Крoó, К.; Bóna, Ё. (ред.) Голоса русской филологии из Будапешта: Литературоведение и языкознание на Кафедре русского языка и литературы Университета им. Лоранда Этвеша [Two Tanyas: Polemic of L. Ulickaâ with the views of L. Tolstoj for love // Крoó, К.; Bóna, Ё. (Ed.) Voices of Russian philology from Budapest: Literary studies and linguistics at the Department of Russian Language and literature, Eötvös Lóránd University], Budapest, ELTE Eötvös Kiadó: 221–230.
- СТЕПАНЯН, К. [СТЕРАНАН, К.] 2013: Достоевский и Сервантес. Диалог в большом времени. Москва, Языки Славянской Культуры [Dostoevskij and Cervantes. Dialogue in great time. Moscow, Языки Slavânskoj Kul'tury].
- УЛИЦКАЯ, Л. [ULICKAÂ, L.] 2006: Казус Кукоцкого. Москва, Эксмо [The Kukockij Enigma. Moscow, Eksmo].
- УЛИЦКАЯ, Л. [ULICKAÂ, L.] 2012: Что читает Людмила Улицкая [What Lûdmila Ulickaâ reads]. 23.07.2012 // <https://www.liveinternet.ru/users/marinhen/post228904103> (дата обращения: 12.03.2021).
- УЛИЦКАЯ, Л. [ULICKAÂ, L.] 2015a: Зеленый шатер. Москва, АСТ [The big green tent, Moscow, AST].
- УЛИЦКАЯ, Л. [ULICKAÂ, L.] 2015b: Лестница Якова. Москва, АСТ [Âkov's staircase, Moscow, AST].
- REGÉCZI, I. 2005: Természettudósok az irodalomban – L. Ulickaja és A. P. Csehov // V. Gilbert E. (ed.) Embertan és irodalom. Elbeszélésbe oltott gének Ljudmila Ulickaja regényeiben [Natural scientists in the literature – L. Ulickaâ and A. P. Čehov // V. Gilberte. (ed.) Humanity and literature. Genes in the narrative in the novels of Lûdmila Ulickaâ], Művészetek Háza, Pécs: 149–158.
- СКОМП, Е.А.–SUTCLIFFE, В.М. 2015: Ludmila Ulitskaya and the Art of Tolerance. Madison, The University of Wisconsin Press.
- GILBERT, V. 2005: Embertan és irodalom. Elbeszélésbe oltott gének Ljudmila Ulickaja regényeiben [Humanity and literature. Genes in the narrative in the novels of Lûdmila Ulickaâ], Művészetek Háza, Pécs.

Тюнде САБО
Печский Университет, Институт Славистики,
Кафедра Русской Филологии
Венгрия, Печ
szabo.tunde@pte.hu
ORCID: 0000-0001-5955-0662

